

С. А. КРАВЧЕНКО

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович - доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского института международных отношений (У) МИД РФ (E-mail: socio17@yandex.ru).

Аннотация. В статье речь идет о становлении самоорганизованного, нелинейно развивающегося социума применительно к современному российскому обществу. Мировая социологическая мысль выработала оригинальные подходы к его анализу. Однако, по мнению автора, адекватный теоретико-методологический инструментарий для анализа такого социума должен быть не универсальным и завершенным, а становящимся, основанным на новом типе социологического воображения, на переходе к альтернативным моделям научного мышления.

Ключевые слова: самоорганизованный * нелинейно развивающийся социум * инновационность * рефлексивность * социологическое воображение

Ныне возникает новый, во многом *самоорганизованный, нелинейно* развивающийся социум. Чтобы его понять, мировая социологическая мысль усиленно работает над выработкой качественного нового теоретико-методологического инструментария. Но какой бы оригинальный и совершенный подход не был предложен, в контексте современных мобильностей социума этот инструментарий по определению не может быть универсальным и главное - *завершенным*, ибо мир стал *становящимся*, а российское общество за последние двадцать лет превратилось в *новую социальную реальность*¹. Однако теория может быть *работающим и валидным* инструментарием до тех пор, пока социологи задают ему качества *постоянной инновационности, рефлексивности*. Его стержнем, исходя из отмеченных качеств должно быть, соответственно, теоретико-методологическое *становление*, основанное на богатых традициях *социологического воображения*, опыта перехода к *альтернативным моделям* мышления, открытия *новых полей* научного знания. Остановимся на четырех составляющих динамики современных социальных реалий, которые нам представляются весьма значимыми для понимания того, куда же идет развитие мира и России. С ними связаны и разрабатываемые инновационные подходы в социологической науке.

Движение к большей открытости

Как известно, развернутую концепцию открытого общества создал английский философ и социолог К. Поппер, показавший, что историческое развитие человеческой цивилизации идет по пути перехода от закрытого общества, жестко регламентировавшего все стороны жизни людей, к обществу открытому, создающему условия для развития индивидуальных свобод человека, его критических способностей, что, в конечном счете, позволяет рационализировать и общественные отношения, и взаимодействие человека с природой². По существу, он рассматривает открытость социума

¹ См.: Горшков М. К. Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007.

² См.: Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. М.: Феникс, 1992.

как "универсальный" идеал для всего человечества. Данный идеал как "общечеловеческая" ценность пришел и в нашу страну и был востребован М. Горбачевым при разработке политики "нового мышления", которая непосредственно способствовала ликвидации "железного занавеса", падению Берлинской стены³. С тех пор Россия превратилась в действительно открытое общество и независимо от нашего желания движется к еще большей открытости. Однако этот процесс вызывает не только восторг по этому поводу, но и социальные страхи и тревоги, связанные с приходом в нашу жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера⁴.

Дело не в том, что К. Поппер заблуждался об универсальной природе открытости. Проблема глубже: усложняющаяся динамика изменяет социальные реалии, а они, в свою очередь, влияют на характер самой динамики. Эти процессы получили и продолжают получать осмысление в контексте теоретико-методологического становления социологического воображения. По П. Сорокину, предложившему динамично-интегральный тип социологического мышления, имеют место *неопределенные флуктуации* открытости - закрытости социума, влияющие, соответственно, на изменения в искусстве, этике, праве и общественных отношениях⁵. Им обосновано, что дезинтеграция чувственной системы изменяет, казалось бы, такие константы как причинность, время, пространство, число, которые получают иную интерпретацию.

Начиная с творчества Р. Мертона, обосновавшего *сетевой баланс* функций, дисфункций и нефункций, социологи знают, что современные социальные явления в силу своей сложности просто не могут иметь однозначно позитивную направленность. В контексте сетевого баланса функциональность открытого социума по определению не может нести людям только добро и блага. Не все просто и с негативностью закрытости. Так, практически все религиозные и идеологические деятели выступают против открытости своей веры или идеологии, некоторые даже избегают прямых контактов (встреча нашего патриарха с папой римским до сих пор не состоялась). Очевидно, есть защитные механизмы функционирования социума, выработанные историческими традициями: начни данный процесс, немедленно возникнет новый дискурс, который, как это прекрасно показал М. Фуко, будучи знанием-властью, сильнее всякой политической или военной силы сначала изменяет мышление людей, а затем и существующие социальные институты, их функции⁶. Полагаем, изначальная причина нефункциональности и дисфункциональности КПСС и значительной части институтов советского общества стала имманентная открытость политики нового мышления. Соответственно, задача ученых, как считал Р. Мертон, исследовать *амбивалентности* социальных явлений⁷, а также *ненамеренные последствия* рациональной, намеренной деятельности людей и особенно *латентные проявления* социума⁸.

С амбивалентностями и ненамеренными последствиями открытости столкнулись прежде всего европейцы. После серии демократических преобразований в Европе и мире Ф. Фукуяма, по существу, провозглашает всемирную победу идеалов либерализма⁹. Но качественный скачок к открытости социума почти мгновенно привел к парадоксу: "после падения Берлинской стены Европа не стала единой, виртуальная "стена" сдвинулась на восток, теперь она проходит по границам Украины, Белоруссии, Молдавии и России"¹⁰. Кроме того, открытость резко обострила проблему "старения" - функционирования существующих обществ и их институтов. На все эти бес-

³ См.: Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего / Под ред. М. К. Горикова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2010.

⁴ См.: Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М.: Альфа-М, 2009.

⁵ См.: Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000.

⁶ См.: Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ "Гуманитарная Академия". 2004.

⁷ См.: Merton R. Sociological Ambivalence. N.Y., 1976.

⁸ См.: Merton R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review. 1936.

⁹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. N 3.

¹⁰ Падение Берлинской стены: до и после... С. 37.

прецедентные новации нужно было реагировать в плане выработки новых подходов. В 2003 г. состоялась VI-я конференция Европейской социологической ассоциации. Ее девиз: "Стареющие общества, новая социология". Речь на ней, в частности, шла о рефлексии относительно культурной открытости, возникшей под влиянием глобализации, повлекшей за собой культурные травмы, разрывы, парадоксы, а точки бифуркации практически стали нормой. Все это в значительной степени обусловило структурно-функциональное "старение" существующих институтов, ценностей, авторитетов, референтных групп.

Возникшие новые социальные реалии находят отражение в *рефлексивной социологии и постмодернистских подходах*¹¹. Так, З. Бауман в недавно опубликованной работе "*Текущие времена*" пишет о смене либеральных идеалов в глобальном масштабе. Начался переход от социально-правового государства, традиционных "озабоченностей по поводу безработицы и инфляции" к "государству индивидуальной безопасности". Причина тому, считает социолог, в дисфункциональности современного государства в отношении коллективной безопасности: или безопасность для всех, или ее отсутствие; ибо исчезают "чисто" локальные опасности, до которых государству нет дела. Причина также в дисфункциональности государства в отношении защиты гражданского общества, наконец, в дисфункциональности и дерегуляции современных войн и вооруженных конфликтов: "большинство современных войноподобных действий" ведутся негосударственными образованиями, которые не подчиняются ни государству, ни законам, ни международным конвенциям¹².

Еще одна амбивалентность открытости - появление как новых друзей, так и новых врагов, реальных и виртуальных. Под новыми З. Бауман имеет в виду прежде всего "фантомных врагов", которые своеобразным образом взяты на вооружение политиками: "В эпоху, когда все великие идеи утратили доверие, страх фантомного врага есть все, что политики оставили для поддержания своей власти"¹³. Примерно в этом же духе высказывается Э. Гидденс, считающий, что сегодня нужно говорить не столько о врагах, сколько о рисках, особо выделяя среди них "рисковый риск". Речь идет о рукотворном риске, который отделяется от своего создателя и обретает собственную спонтанную активность, о последствиях которой простые люди и даже эксперты имеют или неопределенное мнение или узнают лишь тогда, когда слишком поздно: "По мере нарастания рукотворного риска, сам риск становится более "рискованным"... в ситуациях, связанных с рукотворным риском, сам вопрос, действительно ли риск существует, чаще всего вызывает споры. Мы не можем знать заранее, когда мы действительно сеем панику, а когда - нет... Мы не можем просто "соглашаться" с выводами ученых, хотя бы потому, что ученые так часто не соглашаются друг с другом, особенно в ситуациях, связанных с рукотворным риском"¹⁴.

К новым реальным и "фантомным врагам" мы бы также отнесли появление ряда принципиально новых форм асоциальности и девиации, которые не имеют культурных корней в нашей стране, но пришли к нам *вследствие открытости* социума буквально за последние 20 лет. Это, в частности, наркомания, работоторговля, похищение людей, торговля человеческими органами, игромания, нацизм и расизм, новые формы терроризма и разгула преступности, и, конечно, кризис. Всего лишь два десятилетия назад мы знали, что это *где-то* есть. Но оно в ином пространстве и времени, далеко и уж нас-то никогда не коснется. Не просто коснулось, а пришло практически в каждый дом. Были востребованы тысячи новых законов, которые прежде были просто не нужны. Но, пожалуй, самый главный "фантомный враг" - новые социальные страхи и тревоги, пришедшие с этим злом, которые в прямом смысле дегуманизируют социум,

¹¹ См.: *Кравченко С. А.* Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М.: МГИМО-Университет, 2010.

¹² См.: *Bauman Z.* Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 13 - 15, 37.

¹³ *Bauman Z.* Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. P. 16.

¹⁴ *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: "Весь Мир", 2004. С. 44,47.

человеческие коммуникации и, как это ни прискорбно, способствуют "старению" либеральных идеалов, которые совсем недавно казались универсальными.

Открытость общества манит к себе своим разнообразием, соблазнами, но и пугает увеличивающимся *символическим насилием*, исходящим от современных масс-медиа: шоумейкеры вытеснили с экранов образовательные программы (заметим, в русском языке слово "образование" имеет не только смысл обучения, но и формирования *образа* обучаемого, адекватного культуре); практически не осталось передач, предоставляющих эфир собственно подрастающему поколению, где бы была живая дискуссия о ценностях семьи, учебы, труда; демонстрация сцен насилия не оставляет места для показа хотя бы самой возможности гуманных отношений между людьми (что было характерно для советских звезд кино и телеэкрана).

Благодаря открытости возникла невиданная ранее конкуренция институционально организованных идеалов. Столкнулись разные представления о лучшей/нормальной жизнедеятельности, трактовки значимости прав и обязанностей и, соответственно, понимания безопасности (личной или коллективной). Все чаще обсуждается предложение: возможно ли из нынешнего неопределенного мира вернуться в мир *определенной* "несвободы", т.е. *закрытости* (по этому пути уже пошли некоторые страны), но компенсацией за это явилось бы усиление "интересов безопасности" как личности, так и общества. Примечательно, что весьма многие россияне хотели бы сделать этот выбор. Социологические опросы свидетельствуют, что 63% граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод. Категорически не хотят поступиться свободой ради "интересов безопасности" только 6%, а остальные в раздумьях¹⁵. Однако, по нашему мнению, без свобод и прав человека опасностей не станет меньше, скорее, наоборот. А вот с учетом этих данных, не пришло ли время политического движения в направлении *закрытой открытости*, что, разумеется, требует специальной, глубокой теоретической проработки?

Еще одна амбивалентность движения к открытости открытого социума - *образование парадоксального синтеза единого глобального мирового сообщества и невиданных ранее сегрегаций*. Представление о мировом сообществе будет просто искаженным и иллюзорным, если не принять во внимание роль *локалов* и процесс быстрого образования *анклавов* разного толка. Новые социологические подходы к социальным реалиям указывают на взаимосвязь глобального, локального и анклавного. Согласно данным "Словаря глобализации", изданного английским социологом А. Джонсом, термину "глобализация" в современной трактовке чуть более 20 лет. Глокализация - неологизм Р. Робертсона (1992), включающий в себя два понятия: "*глобализация*" и "*локализация*", обозначающие современную форму глобализации, которая предполагает пространственно-временное сжатие: в одном пространстве и в одно время сталкиваются разные (глобальные и локальные) культуры¹⁶.

Об амбивалентных последствиях культурной динамики глокализации свидетельствуют конкретные мнения социологических авторитетов. П. Бергер, во-первых, ведет речь об "альтернативных глобализациях"¹⁷, а во-вторых, о "субглобализациях", под которыми он понимает движения, имеющие "скорее региональный, чем глобальный размах, но тем не менее способствующие сближению обществ, с которыми они сталкиваются вместе с зарождающейся глобальной культурой"¹⁸.

В трактовке У. Бека глобализация и глокализация - две стороны общего процесса, происходящего на разных уровнях. При этом им высказано интересное соображение - как правило, данный процесс ведет не просто к дезорганизации локальных культур, а к определенному упорядочению хаоса посредством образования *"третьих*

стр. 17

¹⁵ См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М. К. Горикова. М.: ИИК "Российская газета", 2007. С. 123.

¹⁶ См.: Jones A. Dictionary of Globalization. London: Polity Press, 2006.

¹⁷ Бергер П. Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 22.

культур", ранее не существовавших. Глобализация, пишет он, - "диалектический процесс, который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур"¹⁹.

К этой же проблематике обращается Дж. Ритцер. Им было предложено понятие-неологизм "гроубализация", состоящее из двух слов: рост (growth - *грой*) и глобализация. При этом термин "рост" используется социологом в двух смыслах: (1) явный - гроубализация как результат влияния на глобальном уровне могущественных экономических и политических акторов, обеспечивающих "навязывание себя на локальное", в результате чего "локальное быстро исчезает. Все больше и больше локальное подвергается воздействию глобальному; иными словами, оно трансформируется в глокальное... Гроубал и локал являются обеими частями глобального"²⁰; (2) латентный - *пролиферация ничто* - биологический термин, обозначающий разрастание новообразований, используемый социологом для интерпретации процесса резкого увеличения десоциализированного социума в виде "пустых форм", которые могут выражаться в четырех типах десоциализированных реалиях: "не-мест" (супермаркеты), "не-вещей" (футболка), "не-людей" (телемаркетологи) и "не-услуг" (услуги, предоставляемые по Интернету), т.е. в них, по существу, отсутствует характерный для локала ценностно-культурный компонент²¹.

Наконец, еще одна амбивалентность: на фоне увеличивающейся открытости возникают *закрытости* в виде невиданных ранее многочисленных *анклавных сообществ*. Пока на этот счет нет достаточно стройной теории, которая ждет исследователей для своей разработки, а есть лишь отдельные концептуальные подходы, частично весьма плодотворные и интересные. На наш взгляд, успешной и наиболее адекватной усложняющейся социокультурной динамике является концепция В. А. Ядова "*гло-локал-анклавизации*". Социолог отмечает, что в стране остаются отдельные анклавные, нетронутые глобализацией: "Несомненная и наиважнейшая особенность России - *анклавизация страны*"²², добавляя, что "в реальности имеет место "*глолокал-анклавизация*" мирового сообщества"²³.

В нашем представлении современный анклав не есть пространство, нетронутое глобализацией. Как раз, наоборот, под влиянием глобализации возникает сегментированное пространство с новой "третьей культурой", со своим специфическим социальным временем. Поэтому современные анклавные могут быть как традиционалистского, так и постмодернистского толка, прозябания и успешности (пример тому - создающийся анклав российской силиконовой долины). Нам также представляется, что наряду с научными школами и *невидимыми колледжами*²⁴ ныне можно говорить и о *научных анклавах*, для которых характерна приверженность к особому теоретико-методологическому инструментарию, убеждение в исключительности своей "истины" и в правоте своей модели мышления.

Есть и другие подходы к трактовке и исследованию современных анклавов, которые, как правило, основываются на *различении их функциональности* для мирового сообщества. Так, существуют анклавные, через которые их акторы, по существу, приобщаются к усложняющимся последствиям культурной динамики глокализации. Однако в большинстве случаев социологи ведут речь об образовании некоммуникабельных пространств нефункционального и дисфункционального толка, с которыми почти не

¹⁹ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 28.

²⁰ Ritzer G. The Globalization of Nothing. A Pine Forge Press Publication, 2003. P. xiii.

²¹ Там же. P. 3 - 10.

²² Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. С. 354.

²³ Там же.

²⁴ По Д. Крайн, под невидимыми коллизиями имеется в виду небольшая группа теоретиков, объединенных конкретной научной ориентацией, в отличие от научной школы непосредственно контактируют друг с другом. Данное понятие акцентирует *локальные* аспекты научного функционирования. См.: Crane D. Social Structure in a Group of Scientists: A Test of the "Invisible College" Hypothesis // American Sociological Review. 1969. N 34.

контактируют представители других культур, а сами жители анклавов, как правило, не допускаются к вхождению ни в глобальный, ни даже в какой-либо локальный социум. Именно в таком смысле М. Фуко трактует анклав, обозначая его как "место без места, существующее само по себе и закрытое в самом себе"²⁵. З. Бауман отмечает, что оборотной стороной глобальных процессов, в частности, мирового туризма, является появление новых анклавов, представители которых "не меняют свои места, они их *теряют*". Социолог называет три основных характеристики населения этих анклавов: они "неприкасаемы", "немыслимы" и даже в утверждающейся виртуальной реальности "не имеют своего имиджа"²⁶ (unimaginable). К этим трем качествам мы бы добавили еще одно - они не связаны социокультурно ни с каким конкретным социумом и свою деструктивную энергию могут легко направлять на что угодно, ибо не ценят ни свою жизнь, ни чью бы то ни было, чем, заметим, пользуются организаторы современного террора. Ж. Бодрийяр пишет о создаваемых новых "гетто для умирающих", характеризуя данную тенденцию как свидетельство десоциализации современного социума²⁷. Ряд российских социологов изучают проблему миграционных анклавов²⁸.

На наш взгляд, без учета всех амбивалентных последствий увеличения открытости открытого социума, включая анклавизацию, мы не определим корректно тенденции формирования и направления развития современного глобального сообщества.

Фактор скорости социальных изменений

Согласно постулату "стрелы времени", обоснованного лауреатом Нобелевской премии И. Р. Пригожиным, имеет место саморазвитие материи, ускоряющаяся, а главное - *усложняющаяся* динамика материи, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам²⁹. Как эти факторы сказываются на развитии современного социума?

Отметим следующие три проблемы, которые нам представляются наиболее значимыми в практическом и теоретическом планах. Во-первых, не только сокращается социальная дистанция и время для людей, проживающих в различных регионах мира, но человечество подошло к *порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий*, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное, с *гуманными целями* решения.

Во-вторых, постоянно увеличивается доля *короткоживущего* социума и уменьшается доля *долгоживущего*. Это касается времени адекватного функционирования институциональных структур, включая идеалы, ценности, авторитеты, знание, которое считается научным. По данным некоторых источников, знание удваивается ныне каждые 5 - 6 лет и, если данная тенденция сохранится, то к 2050 г. оно будет удваиваться менее, чем за сутки. Мини научно-технические революции, скачки к инновационному знанию, естественно, влияющие на качество социума, стиль жизни, смену идентификаций людей, проходят почти без инаугураций и становятся частью повседневности.

В-третьих, люди одного поколения, как правило, живут в одно историческое время. Сегодня мы сталкиваемся с эффектом *временного дисхроноза*: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах*³⁰.

стр. 19

²⁵ Foucault M. Of Other Spaces. Diacritics. 1986. 1. P. 26.

²⁶ Bauman Z. Liquid Times. Living in a Age of Uncertainty. P. 45.

²⁷ Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. London: Sage, 1993.

²⁸ См.: Галкин А. А. Исламский аспект иммиграционной проблемы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007; Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Дробижева Л. М. М., 2003.

²⁹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

³⁰ По Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмову, темпомир - мир, определяющей характеристикой которого является единый темп (общая скорость) развития всех входящих в него структур. (См.: Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007).

Под влиянием этих реалий возникли новые амбивалентности, одна из которых следующая. С одной стороны, скорость преобразований, особенно скорость социальной мобильности, начинает играть роль нового социального капитала, который определяет не только социальный статус людей, характер конкретного социума, но и выступает *индикатором модернизации, культурных и научных достижений* (достаточно вспомнить и гонку вооружений, и стремление летать выше всех, дальше всех, быстрее всех, и космическое соревнование). Ныне число позиций, в которых скорость имеет смысл *инновационного фактора*, многократно возросло. Однако, с другой стороны, следует иметь в виду, что эти тенденции, тем не менее, не универсальны, *автоматически не влекут за собой увеличение функциональности и гуманизации социума*. Если *определенная часть* общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, могут возникать принципиально новые социальные катаклизмы, причина которых - *временной дисхроноз*. Мы полагаем, что одним из важнейших рисков грядущей модернизации в России является риск производства *новых* маргинальных групп, а, возможно, и *новых* опасных классов. Речь идет о людях, которые в силу своих физических и интеллектуальных способностей не смогут вообще адаптироваться к скорости модернизации, к усложняющейся социокультурной динамике, потенциально предрасположенных к образованию групп безработных, и особенно тех из них, кто не может освоить технологические инновации. Кроме того, могут дать о себе знать диспропорции между динамикой разума, быстро приспособляющейся к увеличению скорости изменений, и динамикой коллективного бессознательного, которое, как известно, весьма инертно. Это может стать латентной причиной стрессов. Соответственно, возникает риск роста инцидентов, которые Ч. Перроу назвал "нормальными авариями", главная причина которых в собственно человеческом факторе³¹.

Как это ни парадоксально, но если *не очеловечить скорость* изменений, имея в виду не только прагматические, но и *гуманистические цели преобразований*, то возрастают риски больших и малых катастроф, а также социальных напряженностей и страхов. Поэтому в программе модернизации России, по нашему мнению, должны быть учтены не только новейшие скоростные технологии, но и достаточно традиционные, хотя, конечно, модернизированные технологии позволяют найти социальное место практически каждому россиянину, желающему работать.

Мировая социологическая мысль выработала новаторские подходы в плане изучения явных и латентных последствий привнесения увеличивающейся скорости изменений в нашу жизнь. Французский теоретик Поль Вирильо создал научное направление, названное им *дромология*: от англ. слова "drome", что означает место гонок (ипподром, автодром, велодром и т.д.). Данное направление, в частности, изучает воздействие на социальную жизнь технологических изменений, связанных с развитием транспорта, телекоммуникаций, Интернета и т.д. Весьма интересна его концепция "постчеловека", которому свойственно "кибернетическое доминирование мысли"³² Секция, посвященная изучению проблем "постчеловека", была организована на XVI Всемирном социологическом конгрессе, состоявшемся в ЮАР.

Интересные размышления о социологии скорости есть у Э. Гидденса. В работе "*Политика климатического изменения*" он, в частности, обосновывает эффект воздействия скорости на социум и социальное время (его назвали "парадоксом Гидденса"). Суть в том, что скорость существенно, искажает восприятие людьми последствий результатов своей деятельности в контексте времени и пространства: "люди находят для себя трудным с таким же уровнем реальности отнестись к будущему, с каким они относятся к настоящему"³³. Это касается как проблем повседневности, так и глобальных проблем: курящему тинэйджеру трудно представить себя человеком в возрасте сорока лет, когда начнут проявляться реальные опасности и болезни, угрожающие

³¹ См.: Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.

³² См.: Virilio P. The Art of the Motor. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995; Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: ИТДГК "Гнозис", 2002.

³³ Giddens A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 2.

его жизни. Аналогичный эффект проявляется и у политических деятелей: они прекрасно осведомлены о многих рискованных последствиях своей политики, однако не принимают должных усилий по ее изменению.

Дж. Урру работает над новой парадигмой, основанной на изучении *социальных мобильностей, мобильных миров*, а не территориально фиксированных социальных реалий. По его мнению, ныне "существенно то, что люди путешествуют дальше и быстрее", не проводя фактически больше времени в дороге³⁴.

Несомненно, социологическое осмысление скорости социальных изменений ныне крайне необходимо. Вместе с тем, думается, человечество просто не готово к скачкам в скорости жизнедеятельности, к возникающим при этом разрывам во времени и пространстве, ибо, решая прагматические задачи, практически не принимает во внимания собственно *человеческие* возможности и отношения, различия в социальном времени, свойственные разным культурам. Кроме того, социальные мобильности в условиях нелинейного развития как техники, так и собственно человеческого потенциала, обретают усложняющийся характер. Определенная недооценка этих факторов касается зарубежных подходов к анализу социальных мобильностей. Полагаю, ситуацию могут исправить российские социологи, чьи научные традиции имеют глубокие гуманистические корни.

Возрастающая рефлексивность социума

Проблема возрастающей рефлексивности социума была центральной на 8-й конференции Европейской социологической ассоциации, состоявшейся в 2007 г. в Глазго. Особый интерес вызвало выступление Маргарет С. Арчер, посвященное "новому рефлексивному императиву и трансформации гражданского общества", в котором анализируются *явные и латентные последствия динамики рефлексивности в гражданском обществе*. Утверждающаяся глобализация, по ее мнению, *качественно меняет характер рефлексивности*. "Впервые в человеческой истории, - подчеркнула докладчик, - рефлексивный императив касается всех". В итоге Арчер делает вывод: нынешняя трансформация рефлексивности, являющаяся посредником между структурой и деятельностью акторов, ведет к "переопределению и переструктурированию конфликта, гражданственности и гражданского общества"³⁵. Проблем в виде явных и латентных последствий рефлексивности, как видно, очень много. Остановимся на двух взаимосвязанных последствиях рефлексивности социума: *плюрализации типов культур мышления и потребности новой культуры управления*.

Последняя проблема очень актуальна для России. Мы не научились управлять современным рефлексивным социумом. Как отмечает академик Т. Н. Заславская, "к действительно происходящему в стране процессу более применимо понятие *спонтанной трансформации* общественного устройства, ни генеральное направление, ни конечные результаты которого не предreshены"³⁶. Спонтанная трансформация, по существу, игнорировала создание *современного* типа управления как цивилизованного, рационального и *гуманистического* способа взаимодействия людей с их участием. "Управление, - отмечает известный специалист в этой сфере А. В. Тихонов, - которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращается в манипулирование людьми, в технологию достижения любой, в том числе аморальной и асоциальной цели (в терроризм, например). Такое "управление" становится опасным источником социальных деформаций"³⁷. Упорядочение хаотизации социума, считает ученый, пошло по пути строительства *нового старого* силового механизма организации обще-

³⁴ Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2008.

³⁵ См.: The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3th-6^h September 2007. Glasgow Caledonian University. P. 36 - 37.

³⁶ Заславская Т. Н. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 197.

³⁷ Тихонов А. В. Социология управления. М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2007. С. 128.

ственной жизни, что конкретно выражается в "синкретическом спаянном механизме власти и управления, собственности и управления"³⁸. К этому следует добавить, что управление зачастую просто *симулируется*. Так, симулируется контроль за распространением табачной и вино-водочной продукции, управлением на дорогах, "объективный" контроль знаний учащихся с помощью ЕГЭ и т.д.

От какого мышления следует решительно отказаться и где же та модель культуры управления, которая поможет эффективно управлять рефлексивным социумом? З. Бауман отмечает появление симбиоза демократического мышления и мышления "садовника", суть которого заключается в том, что подобно садовнику, пропальывающему сорняки на подконтрольном поле, властные управленческие акторы стремятся "пропальвать" определенный социум, не вписывающийся, по их мнению, в магистральное развитие, в "представление об идеальной гармонии"³⁹. В условиях начавшейся модернизации страны, предполагающей "качественное обновление общества и по горизонтали, и по вертикали", важно учесть, что запросы россиян в отношении этих преобразований "далеко неоднородны"⁴⁰. Соответственно, важно при модернизации не допустить появления "прополочных" управленческих подходов. От такого нового старого мышления, конечно, необходимо отказаться.

Вместе с тем, появились интересные разработки новых моделей управленческого мышления *рефлексивного толка*. Так, М. Фуко обосновал *гавернментальное мышление*, которое особенно востребовано в исследованиях ненамеренных последствий современной рискогенной деятельности человека. Под ней ученый понимает отношения между двумя полюсами управления: формами правления, посредством которых различные властные структуры управляют населением, и технологиями самодисциплины, позволяющие индивидам проявить свою субъективность⁴¹. При этом социолог особо подчеркивает роль самодисциплины и саморационализации, основанной на *этике индивидуализации*, что, по существу, знаменует собой становление новой рациональности рефлексивного типа, предполагающей *активную организацию человеческой субъективности*. Британский социолог Дж. Лун отмечает: "Гавернментальность, по существу, является *этическим управлением* (термин "ментальность" преднамеренно используется в этом смысле)"⁴². Естественно, этот процесс потребует формирования соответствующего *гавернментального мышления*. Оно позволит индивиду на основе нахождения оптимального соотношения между управленческими структурами и развитием рефлексивности стать *действующим Человеком* прежде всего по отношению к неопределенностям, характерным для современного рефлексивного социума. Появились продуктивные подходы к обоснованию новых моделей управленческого мышления рефлексивного толка и у российских социологов. О. Н. Яницкий предложил мышление в терминах *инвайронментализма*⁴³, В. В. Радаев - мышление в сетевом взаимодействии⁴⁴, В. Л. Романов обосновывает концепцию синергетического мышления. "Особенностью этого типа мышления, - отмечает он, - является его синергичная и сингрессивная образность, когда формирующийся в сознании деятеля образ наиболее полно несет в себе все многообразие различных реальных и виртуальных характеристик ситуации в их нелинейно движущемся взаимоперемешивании и перемежении"⁴⁵.

Однако, на наш взгляд, полностью принять синергетическое мышление проблематично. Дело в том, что оно, делая акценты на динамике социума, многообразии

³⁸ Там же. С. 61.

³⁹ Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. P. 99.

⁴⁰ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2010.

⁴¹ См.: Foucault M. On governmentality // Ideology and Consciousness. 1979. N 6. P. 20.

⁴² Loon J. V. Governmentality and the subpolitics of teenage sexual risk behavior / Health, Risk and Vulnerability. London and N. -Y.: Routledge, 2008. P. 49.

⁴³ См.: Yanitsky O. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: Taus, 2010.

⁴⁴ См.: Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.

⁴⁵ Романов В. Л. Проблемы административного реформирования (социосинергетический поиск). М.: РАГС, 2004.

его количественных и качественных характеристик, что, несомненно, важно само по себе, тем не менее, недостаточно учитывает проблематику изменений *гуманистического* потенциала социальных акторов. Поэтому, не отрицая и не умаляя синергетическое мышление вообще, а также другие предлагаемые типы мышления рефлексивного толка, необходимо движение к *нелинейно-гуманистическому мышлению*. На наш взгляд, оно могло бы учитывать не только факторы открытости и мобильности социума, его парадоксальные разрывы и синтезы, но и поставить во главу жизнедеятельности человека гуманизацию себя и своей социальной среды. В самом общем приближении этот тип мышления можно определить следующим образом. Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает парадоксальные синтезы и разрывы рискогенного, дисперсионного социума, его объективные, субъективно сконструированные и виртуальные реалии, ставит во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.

Влияние современного кризиса на социум

Несомненно, современный кризис повлиял на характер социальных реалий. По нашему мнению, это фаза, по словам П. А. Сорокина, "великого кризиса", корни которого уходят в 40 - 50 годы прошлого столетия, его нельзя сводить только к экономическому, тем более финансовому кризису.

Ученый подчеркивал, что это кризис *"основополагающих"*, но не всех форм западной культуры и общества⁴⁶. Среди конкретных причин кризиса он выделяет следующие. *Увеличение неравенств (!)*. "Жажда чувственных ценностей, - пишет он, - не только не смогла ликвидировать, но еще более увеличила экономическое и другие проявления неравенства людей"⁴⁷. Подчеркнем, проблема не в социальном неравенстве как таковом, а в его *увеличении*. Если это увеличение проходит определенный порог, то такие выражения как "равенство возможностей", "свобода" и "права человека" превращаются лишь в "громко звучащую фразеологию"⁴⁸. Причиной кризиса является также утверждение особого типа свободы, обозначенной Сорокиным как "чувственная свобода", которая в условиях "ничем не ограничиваемом взаимодействии чувственных вожеланий и желаний" серьезно дискредитировала самую свободу. *"Свобода слова, печати, мысли являются величайшим благом, когда они неотделимы от нравственных и социальных обязательств*. Однако когда они перерождаются в безответственную и разнузданную пропаганду, в сенсационность желтой прессы, бесконтрольный выпуск непристойных пьес и романов, или же превращаются в средства дискредитации и подрыва истинных ценностей, они становятся социальной и культурной отравой, значительно более опасной, нежели простое отрицание свободомыслия"⁴⁹.

Особо Сорокин указывает на то, что частью общего кризиса западной культуры стал "кризис договорного общества", возникший опять-таки под влиянием чувственной культуры: в условиях неодолимой жажды денег, богатства, выгоды, удовольствий и чувственного благоденствия, "невыполнение оговоренных контрактом обязательств является неизбежным, а с развитием нравственного нигилизма оно непременно будет расти"⁵⁰. Сказанное касается не только социально-экономических, но и политических отношений: "для кандидата стало почти обычным правилом давать огромное количество предвыборных обещаний и забывать о них после избрания безо всяких

⁴⁶ Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 101.

⁴⁷ Там же. С. 237.

⁴⁸ Там же. С. 237.

⁴⁹ Там же. С. 239.

⁵⁰ Там же. С. 240.

угрызений совести"⁵¹. Причина кризиса и в том, что сила договорных обязательств в международных отношениях начала ослабевать. Сорокин замечает: "Едва ли можно назвать хотя бы один международный договор, заключенный, начиная с 1914 года, который бы не был нарушен или сознательно превращен в клочок бумаги одной или всеми подписавшими его сторонами. Аналогичная участь постигла фактически все нормы международного права. В результате, мы оказались очевидцами войн, поспешно начатых без предварительного их объявления и без всякого вызова со стороны ее жертв"⁵².

Сорокинский анализ влияния "великого кризиса" на социум имеет самое непосредственное отношение к параметрам нынешних социальных реалий. Сейчас много пишут и говорят о выходе из *экономического* кризиса, и создается впечатление, что важнейшие *социальные и культурные* составляющие кризиса как бы преодолеваются сами по себе. Нам думается, это заблуждение. Остановимся лишь на *социокультурном* аспекте кризиса. Это - *циничнизация социума*. Причину цинизма П. Сорокин видел в *трагическом дуализме* чувственной культуры: "Мы восхваляем любовь и культивируем ненависть. Мы объявляем человека священным и безжалостно его убиваем. Мы провозглашаем мир и ведем войну. Мы верим в сотрудничество и солидарность, но преумножаем конкуренцию, соперничество, антагонизм и конфликты... Трагический дуализм нашей культуры очевиден, он углубляется день ото дня"⁵³.

С тех пор, думается, ситуация изменилась в худшую сторону, ибо появились *новые* причины циничности. Современная анклавизация разного толка, новые формы асоциальности и девиации, порожденные скачками к открытости, прямо способствуют циничнизации социума. Это, по существу, новая беда и трагедия современной культуры, вылившиеся в конечном счете в самостоятельную составляющую современного кризиса, которая рельефно проявилась в дни московской трагедии в метро (март 2010 г.). Мотивацию современных террористов, равно как таксистов-бомбил, взвинтивших цены, невозможно понять ни умом, ни сердцем, ни через призму моральных соображений. Здесь не работает здравый смысл, ибо нет собственно человеческой, гуманистической коммуникации. Именно в этом суть беды и трагедии: полагаем, в подавляющем своем большинстве эти люди без социального места, вне социума. Это - "не-люди" в социокультурном смысле, с ними возможна лишь очень ограниченная, сугубо техническая коммуникация, которая просто не предусматривает морально-нравственный дискурс. Этих не-людей нельзя путать с "чужаками" как их понимали и толковали, хотя и по-разному, Р. Парк, Г. Зиммель, А. Шютц. Не-люди -это не маргиналы, они вне маргинальности, вне социума вообще.

В циничнизацию социума, на наш взгляд, вносят вклад некоторые современные масс-медиа, производящие перформансы на трагедии людей. На их боли, вызванной самыми разными причинами, благодаря эффектам спектаклизации формируются симулякры простых решений сложных человеческих судеб. Ради пресловутого рейтинга телезрителям подчас даются рекомендации, которые не только безграмотны с позиций элементарного социологического знания, но могут спровоцировать новые социокультурные конфликты. Идет муссирование фактора "счастливого шанса", демонстративного потребления в телепередачах типа "Рублевка лайф", "Ты не поверишь" и т.д., соответственно, авторитет референтов, значимых для функционирования социума, особенно трудовых достижений падает. Цинизм - недооцененная причина многих социальных проблем, включая коррупцию.

Есть ли основа в нашем обществе для противодействия процессам циничнизации социума? Мы убеждены в том, что для выхода из кризиса необходимо задействовать потенциал Добра, заложенный в российском национальном характере, как основы для творческого созидания, о чем писал Сорокин и не только он. Этот потенциал Добра не только не исчез, но по некоторым направлениям приумножил себя в годы

⁵¹ Там же. С. 241.

⁵² Там же. С. 242.

⁵³ Там же. С. 271.

Советской власти. Сорокин непредвзято отмечал: "Хотя Советы и подобные им режимы ввели негуманную регламентацию жизни миллионов своих граждан, вместе с тем они освободили эти миллионы от многих прежних форм подчинения и эксплуатации. ...эти режимы сформировали у своих граждан не только менталитет и поведение регламентированных и поработанных заключенных, но также характер, энтузиазм и поведение членов свободного "мы-коллектива", добровольно объединенного взаимной симпатией и ответственностью, взаимной помощью, свободным сотрудничеством и неэгоистической любовью в одну огромную семью, или братство"⁵⁴.

Современные исследования свидетельствуют, что потенциал Добра в ментальности и поведении россиян сохраняется, хотя приобретает новые черты и качества. Социологический портрет современной России определяют Свобода и Братство. Это огромные объективные факторы успешного выхода из современного кризиса, хотя его отягощает невиданная ранее социальная дифференциация населения в виде огромного Неравенства. 30% представителей среднего слоя главным в воспитании детей в современных условиях считают воспитание честности и доброты⁵⁵. Думается, не все ныне существующие общества имеют такой гуманистический потенциал. Его надо всячески поддерживать, совмещая наши глубинные традиции гуманизма с обретенными свободами. Полагаем, в качестве мобилизационного ресурса выхода из нынешнего кризиса могла бы стать идея перехода к *новой социокультурной системе, основанной на Братстве, Свободе и Гуманизме*. При том, что *гуманизация человеческих отношений явилась бы стержнем новой Национальной идеи*.

Для интерпретации современного социума с позиций теоретико-методологического *становления* необходимо новое социологическое воображение. Востребованность уже осознается мировым социологическим сообществом. Его новую трактовку предложил П. Штомка⁵⁶. Попытка создания новой модели была предпринята также британским социологом С. Фуллером⁵⁷. За него ратует и У. Бек⁵⁸. Можно назвать целый ряд недавно вышедших зарубежных работ, в которых так или иначе поднимается проблематика нового социологического воображения⁵⁹.

На наш взгляд, данные подходы к созданию *новой теории социологического воображения продуктивны* в научном плане. Но в них, на наш взгляд, недостает *гуманистической направленности*. В связи с этим мы высказались за создание концепции *нелинейно-гуманистического социологического воображения*⁶⁰. Инструментарий этого типа социологического воображения включает в себя как *нелинейную*, так и *гуманистическую* составляющие. Разумеется, он не может существовать сам по себе, *вне других подходов*, связанных с осмыслением современной неопределенности и нахождения в ней новых *интеллектуальных и гуманистических* основ для жизнедеятельности человека и, конечно, он предполагает учет всех инновационных подходов рефлексивного толка, связанных с теоретико-методологическим становлением.

⁵⁴ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 77 - 78.

⁵⁵ См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: ИИК "Российская газета", 2007. С. 305.

⁵⁶ См.: Штомка П. Теоретическая социология и социологическое воображение. Социологический журнал, 2001, N 1; *Его же*. Формирование социологического воображения. Значение теории. Социол. исслед. 2005, N 10.

⁵⁷ См.: Fuller, Steve. The New Sociological Imagination. L.: SAGE, 2008.

⁵⁸ Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The Risk Society and Beyond. B. Adam, U. Beck, J. van Loon (ed.). L.: Sage Publication, 2007. P. 212.

⁵⁹ См.: Elwell, Frank W. Macrosociology. Four Modern Theorists. L.: Paradigm Publishers, 2006; Ray Larry. Globalization and Everyday Life. L. and N.Y.: Routledge, 2007; Wainwright David (Ed.). A Sociology of Health. L.: Sage Publication, 2008.

⁶⁰ Кравченко С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анкил, 2010.